В последний вечер перед каникулами Большой зал сиял огнями прощального пира. Гарри, не покидавший больничное крыло со дня схватки с Лордом Волдемортом, наконец появился в зале, и Гриффиндор тут же взорвался приветственными криками.

— Ого, — я прикрыл рот кубком, издав негромкое, полное иронии восклицание. — Ну и популярность.

Драко смерил ликующих гриффиндорцев презрительным взглядом, после чего яростно уставился на Поттера. Забини, чья смуглая кожа в мягком свете свечей придавала ему еще более щегольской вид, едва заметно усмехнулся:

— Кубок школы в этом году наш. Если победим, это будет седьмой раз подряд.

Несмотря на то что Кубок школы был вещью по сути формальной, Забини еще оставался ребенком, и на его лице невольно отразилась гордость.

Я слегка качнула кубок. Тыквенный сок внутри него медленно терял цвет, пока не стал прозрачным, как родниковая вода.

— Не загадывай, — я сделал глоток наколдованного виски и прищурился.

Забини окаменел, а Драко наконец перестал испепелять Поттера взглядом и обернулся ко мне.

— Что ты имеешь в виду?

Я лишь пожал плечами:

— Не только змеи умеют защищать своих. Слизерин забирал кубок столько лет подряд, что Дамблдор наверняка извелся. В этом году у него наконец-то появился достойный повод всё изменить.

Не успел я договорить, как в зал вошел сам директор, и гул голосов постепенно затих.

— Вот и прошел еще один год! — жизнерадостно провозгласил Дамблдор. — Но прежде чем мы приступим к этим великолепным яствам, я должен попросить вас выслушать старческую болтовню…

Я не слишком вслушивался в речь старика, предпочитая любоваться серебряно-зелеными знаменами, украшавшими зал. Диадема ускользнула; найти Волдеморта теперь, когда он обрел свободу передвижения, практически невозможно. Значит, стоит заняться остальными крестражами. Дневник у Люциуса, но раскрывать себя сейчас мне не с руки, а значит, и забрать его не выйдет. Золотая чаша Хеффлпафф заперта в сейфе Лестрейнджей — туда мне

хода нет. Нагайна… бог знает, где он сейчас. На кольце висит столько черномагических проклятий, что подступиться к нему — задача не из легких.

Выходило, что медальон Слизерина — самая доступная цель.

Внезапно Дамблдор начал раздавать очки Гриффиндору. Стук кубка Драко, который тот с силой поставил на стол, вырвал меня из раздумий.

— Первый лот — мистер Рон Уизли… За лучшую партию в шахматы, которую Хогвартс видел за многие годы, я присуждаю Гриффиндору пятьдесят очков.

Рон мгновенно стал пунцовым, под стать его волосам. Гриффиндорцы повскакали с мест, их вопли едва не снесли магический потолок.

— Второй лот — мисс Гермиона Грейнджер… За блестящую логику перед лицом смертельного пламени я присуждаю Гриффиндору пятьдесят очков. И третий лот — Гарри Поттер… За железную волю и выдающуюся храбрость я награждаю Гриффиндор шестьюдесятью очками.

Сто шестьдесят очков одним махом. Гриффиндор теперь отставал от Слизерина всего на одно очко. Мои однокурсники помрачнели, но в глазах еще теплилась слабая надежда.

Я сохраняла бесстрастие. Если Дамблдор взялся за аттракцион невиданной щедрости, он не оставит Гриффиндор в шаге от победы. И действительно — Невилл получил еще десять очков. Гриффиндор вырвался вперед. За их столом началось форменное безумие: все лезли обниматься к «героям». Слизеринцы же сидели свинцово-серые от ярости. Я мельком взглянула на Снейпа: его лицо превратилось в застывшую маску, а он смотрел на Поттера с почти осязаемой ненавистью.

— Это означает, — Дамблдору пришлось сорваться на крик, чтобы перекрыть ликование, — что нам нужно внести небольшие изменения в декорации.

Он уже поднял руку, когда над столами пронесся негромкий, но отчетливый вздох. Я, не поднимая глаз, задумчиво разглядывал дно кубка.

— Какая досада, — мой голос, сонный и полный фальшивого сожаления, прозвучал удивительно четко в наступившей тишине. — Мы так усердно учились, выполняли все задания и соблюдали школьные правила, чтобы заработать баллы… и всё напрасно.

Шепот за столами мгновенно стих.

— Ах, какая удача — получать по пятьдесят очков за раз, когда обычно мы сражаемся за каждую единицу…

— Разве это одно и то же?! — вскочил один из гриффиндорцев. — Это был героический поступок!

Я поднял на него взгляд. Мой холодный, как горный ручей, взгляд заставил его осечься.

— Именно сейчас, когда баллы начислены в последний момент, у других нет ни единого шанса отыграться. Жаль, очень жаль. Знай я это раньше, тоже проигнорировал бы школьные правила и заглянул на четвертый этаж. Глядишь, и я стал бы героем?

Среди студентов пополз гул. Первокурсник с Когтеврана обиженно пробормотал:

— Мы на уроках из кожи вон лезли, чтобы заработать баллы… Если они победили Сами-Знаете-Кого, это одно, но нарушения правил тоже должны чего-то стоить! Нельзя же просто забыть о штрафах.

Когтевранцы, смещенные лихим наскоком Гриффиндора на третье место, были глубоко уязвлены. Они не были так надменны, как Слизерин, но гордились своим интеллектом и не любили, когда логика приносилась в жертву фаворитизму.

— Если подсчитать, они нарушили добрую сотню правил, — подал голос старшекурсник в очках. — Разве за это не полагается взыскание? Если уравновесить подвиг и нарушения… возможно, итоговый балл был бы иным?

Когтевранцы били не в бровь, а в глаз. К ним тут же присоединился Хаффлпафф, и гул в зале стал напоминать роение рассерженных шмелей. Гриффиндорцы заметно сникли. Слизеринцы же, к моему удивлению, не проронили ни слова — они лишь многозначительно переглядывались, поглядывая на меня.

Дамблдор выглядел крайне смущенным. Мой выпад был прямой пощечиной. Раньше его пристрастность к Гриффиндору проглатывали молча, из уважения к сану директора, но сейчас я заставила его оправдываться перед всей школой.

— Что ж, — произнес он с едва уловимой неохотой, — нарушение правил действительно требует взыскания. Устав школы незыблем.

Он хотел вдохновить Гарри, укрепить его веру в себя перед лицом Волдеморта. Но всё еще оставался директором. Если сейчас проигнорирует правила, его авторитет будет подорван окончательно, а завтра каждый второй студент пойдет на преступление, прикрываясь «героизмом».

Под пристальными взглядами недовольных факультетов Дамблдору пришлось методично вычитать очки за каждое зафиксированное нарушение Гриффиндора. На этот раз он не мог оперировать двузначными числами, но нарушений было так много, что сто семьдесят очков

Гарри и компании испарились в мгновение ока, оставив факультет в глубоком минусе.

Слизерин снова стал первым.

— Полагаю, декорации менять не придется, — протянул Снейп своим шелковым, пропитанным ядовитым торжеством голосом.

Затем он посмотрел на меня. Я сидел всё так же бесстрастно, но в какой-то момент поднял кубок, салютуя ему, и мимолетно усмехнулся. Снейп едва заметно вздрогнул. Это была усмешка… истинного Слизеринца.

— Потрясающе, Белина! — восхищался Драко, не забывая бросать вызывающие взгляды в сторону Гриффиндора.

Я видел, как Гермиона с трудом удерживает двоих мальчишек, явно горевших желанием проверить на мне крепость своих кулаков. Я же, будто ничего не случилось, подцепил вилкой последний кусочек сосиски:

— Драко, передай мне манговый пудинг, будь добр.

***

На платформе 9¾ Драко надул губы:

— Ты точно не поедешь к нам? Я хотел, чтобы кто-нибудь составил мне компанию в квиддиче.

Весь мой багаж умещался в один рюкзак; всё остальное я заблаговременно уменьшил заклятием.

— Нет, на это лето у меня другие планы.

Медальон Слизерина не мог ждать.

— Какие еще планы на всё лето?

Глядя на его детскую обиду, я невольно смягчился. Если всё пойдет гладко, много времени это не займет.

— Хорошо, где-то в середине лета я напишу тебе.

Драко, получив обещание, заметно повеселел и потащил чемодан к родителям. Нарцисса встретила его жаркими объятиями, а на лице Люциуса проступила тень искренней теплоты. Перед тем как уйти вслед за семьей, он обернулся и коротко кивнул мне.

Я ответил вежливой улыбкой. Несмотря на наш недавний разговор в кабинете Снейпа, осторожный Малфой мне не доверял. Перед таким человеком нельзя раскрывать карты — он куда проницательнее, чем кажется.

Найдя безлюдное место, я аппарировал. Мир на мгновение смялся, а затем передо мной возник берег пустынного, холодного моря. Белая пена с грохотом разбивалась о корявые скалы, а у самой кромки воды чернел узкий зев пещеры.

http://bllate.org/book/17409/1663219